

О двух концепциях слова в диалоге: Фердинанд Эбнер и Михаил Бахтин

Т. А. Федяева

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение. В статье проводится сравнительный анализ концепции диалога австрийского философа Ф. Эбнера (1882–1931), изложенной им в книге «Слово и духовные реальности. Пневматологические фрагменты» (1921) и концепции диалога М. М. Бахтина, ставшей философской основой книги «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и дальнейших его сочинений. Основное внимание уделяется их трактовкам феномена диалогического слова в его эстетическом и религиозном аспекте.

Содержание. Проблемы функционирования диалогического слова в жизни и в искусстве, занимавшие одно из центральных мест в произведениях Ф. Эбнера и М. Бахтина, не становились до сих пор предметом последовательного исследования. Перспективными для анализа темы, заявленной в статье, явились сравнительно-исторический и феноменологический методы. Опора на эту методологию позволила выявить ряд типологических, т. е. выходящих за рамки вопросов взаимовлияния текстов, схождений в их произведениях, а также указать на факт возможного взаимодействия диалоговых идей Эбнера и Бахтина.

Выводы. Две концепции слова в диалоге, рассмотренные в статье, дают возможность выявить парадигматические линии в развитии языковой диалоговой философии первой трети XX в. и описать специфику ее развития в Австрии и России.

Ключевые слова: Эбнер, Бахтин, диалог, диалогическое слово, христоцентризм, теория высказывания, голос.

Для цитирования: Федяева Т. А. О двух концепциях слова в диалоге: Фердинанд Эбнер и Михаил Бахтин // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 1. – С. 117–133. DOI: 10.35231/18186653_2025_1_117. EDN: GXLTWP

On Two Concepts of the Word in Dialogue: Ferdinand Ebner and Mikhail Bakhtin

Tatiana A. Fedyaeva

*St. Petersburg State Agrarian University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The theory of dialogue of the Austrian linguistic philosopher F. Ebner (1882–1931), outlined by him in the book "The Word and Spiritual Realities. Pneumatological fragments" (1921), and the concept of dialogue by M. Bakhtin, which became the philosophical basis of the book "Problems of Dostoevsky's creativity" (1929) and his further works, provide many grounds for their comparative analysis not only from the point of view of philosophy, but also from the standpoint of aesthetics. This relates primarily to Ebner and Bakhtin's concept of the dialogical word as a word that is two-voiced and religious in nature.

Content. The problems of the functioning of the dialogical word in life and in art, which occupied one of the central places in the works of F. Ebner and M. Bakhtin, have not yet become the subject of consistent research. Comparative-historical and phenomenological methods are promising for analyzing the topic stated in the article. Relying on this methodology made it possible to identify a number of typological ones, that is, going beyond the issues of mutual influence of texts, convergences in their works, and also point out the fact of the possible interaction of the dialogue ideas of Ebner and Bakhtin.

Conclusions. The two concepts of the word in dialogue, discussed in the article, make it possible to identify paradigmatic lines in the development of linguistic dialogue philosophy in the first third of the twentieth century and describe the specifics of its development in Austria and Russia.

Key words: Ebner, Bakhtin, dialogue, dialogical word, Christocentrism, theory of utterance, voice.

For citation: Fedyaeva, T. A. (2025) O dvukh kontseptsiyakh slova v dialoge: Ferdinand Ebner i Mikhail Bakhtin [On Two Concepts of the Word in Dialogue: Ferdinand Ebner and Mikhail Bakhtin]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 117–133. (In Russian). DOI: 10.35231/18186653_2025_1_117. EDN: GXLTWP

Введение

Имя Фердинанда Эбнера, представителя австрийской диалоговой философии, лишь недавно стало привлекать к себе внимание отечественных философов и филологов. Достаточно назвать исследования последних лет, затрагивающие эту тему: статьи И. И. Ремизовой «Проблема диалога у Фердинанда Эбнера» (2011), Е. А. Костровой «Бог как другой в философии Ф. Розенцвейга, Ф. Эбнера и М. Бубера» (2011), Т. Н. Резвых «Трактат Ф. Эбнера «Слово и духовные реальности» в контексте философии диалога XX века» (2016).

Сочинение Ф. Эбнера «Слово и духовные реальности» известно и в бахтинских кругах. Оно названо, к примеру, в академических комментариях к книге М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского», в труде Н. Бонецкой «Бахтин как философ» (2022). О необходимости сопоставления идей Эбнера и Бахтина писал и автор этих строк в монографии «Диалог и сатира» (2004, второе издание 2013) и в статье «Сочинение Ф. Эбнера “Слово и духовные реальности” как источник книги М. Бахтина “Проблемы творчества Достоевского”» (2012). Однако последовательного сравнительного анализа концепций диалога Эбнера и Бахтина не проводилось. Объектом нашего исследования являются эбнеровская и бахтинская концепции слова в диалоге, их схождения и отталкивания.

Содержание исследования

Теории слова, изложенные в сочинениях Эбнера и Бахтина, описывают диалогический принцип его функционирования и отражают общеевропейскую ситуацию переосмысления взглядов на язык, связанную с дискредитацией его номиналистической структуры. Слово понимается философами не как инструмент для передачи абстрактной истины, а как межличностное действие, происходящее между «Я» и «Ты».

Книга Эбнера «Слово и духовные реальности. Пневматологические фрагменты» была написана в 1919 г., издана в 1921 г. в инсбрукском издательстве «Бреннер» главным редактором одноименного журнала Людвигом фон Фикером. Журнал «Бреннер» (1910–1954) занимался вопросами культуры и истории, но по своей сути был богословским. Книгу Эбнера Фикер напечатал потому, что культурно-историческая

проблематика современности была проанализирована автором в религиозном аспекте. В ней на основе христианского учения Эбнер развивает идеи философии диалога и формулирует основы теории диалогического слова.

Через несколько лет, в 1929 г. в Ленинграде была издана книга «Проблемы творчества Достоевского» М. Бахтина, в которой была представлена единственная законченная теория диалога в России. Мы уже указывали в статье «Сочинение Ф. Эбнера “Слово и духовные реальности” как источник книги М. Бахтина “Проблемы творчества Достоевского”» на то, что Бахтин мог знать книгу Эбнера через Ганса Лимбаха – протестантского швейцарского писателя, долгое время жившего в России в качестве преподавателя немецкого языка в богатых русских семьях.

В разговоре с В. Дувакиным Бахтин вспоминает, что в Одессе в 1913–1914 гг. он поддерживал отношения с «одним очень культурным швейцарцем – Ганс Лимбах... Это был страстный поклонник Кьеркегора, когда его еще никто не знал» [7, с. 37]. Лимбах открыл для Бахтина Кьеркегора и подарил ему первую книгу датского философа.

Факт знакомства Г. Лимбаха и Бахтина нашел отражение и в монографии о М. Бахтине его английских биографов К. Кларка и М. Холквист. Они сообщают, что М. Бахтин познакомился в Одессе с учителем немецкого языка из одной состоятельной семьи, который восхищался «не только его умом, но и широким кругом чтения» [14, р. 27]. Этот учитель, свидетельствуют авторы монографии, познакомил М. Бахтина с произведениями М. Бубера, интерес к которому сохранился у М. Бахтина и впоследствии.

В обширных примечаниях к беседам М. Бахтина и В. Дувакина имя Г. Лимбаха не откомментировано. Он неизвестен в России. Анализ отношений М. Бахтина и Г. Лимбаха открывает между тем новую перспективу в изучении связей М. Бахтина с австрийской диалоговой философией, в частности с философскими традициями инсбрукского журнала «Бреннер».

Ганс Лимбах был тесно связан с «Бреннером», хорошо знал его издателя Людвиг фон Фикера, был другом одного из главных сотрудников «Бреннера», философа К. Даллаго. Известно, что во время своего пребывания в России он регулярно получал номера «Бреннера». Лимбах оставался в России, очевидно

до 1919 г. В 1919 г. в Берне вышла в свет его книга «Страшные дни на Украине. Воспоминания одного швейцарца» (“Ukrainische Schreckenstage. Erinnerungen von einem Schweizer”), в которой он описывает оккупацию Украины немецкими войсками в 1918 г.

Г. Лимбах умер в 1924 г., после выхода в свет книги Эбнера. Вероятно, М. Бахтин поддерживал отношения после его отъезда из России в 1919 г. Основу для подобного рода предположений дает сравнение диалогических теорий обоих философов. Мы хотели бы обратить внимание на сождения в произведениях М. Бахтина и Ф. Эбнера, которые еще не стали предметом исследования.

И Эбнер, и М. Бахтин, в отличие от М. Бубера, соотносили свои философские идеи с эстетикой. И хотя их представления о роли искусства в формировании внутренней, духовной жизни человека, о соотношении религии и искусства, сами концепции диалогического слова были разными, сочинения Бахтина полны – типологических или намеренных, смысловых – переключек с трудом Эбнера.

Исходной темой их произведений был спор с идеализмом, который опирался на идею отрыва духовности от реальной жизни. Именно это обстоятельство, по их мнению, стало фактором, сформировавшим монологическое сознание. Монологизацию сознания влекло за собой характерное для рубежа веков представление о личности как совершенно самостоятельном и автономном субъекте бытия и искусства. И Эбнер, и Бахтин считали абсолютизацию значения внутренней жизни и одиночество следствием одержимости идеями и идеалами, которые в случае их несоотнесенности с бытием конкретной личности парадоксальным образом отменяли неповторимость личности. Идеализму и монологизму они противопоставляют понимание мира, связанное с диалогическим видением истины, бытия, слова.

Духовность заключалась для обоих философов не в идеалах и идеях, не в духе, оторванном от жизни, а в межсубъектных отношениях, т. е. в отношениях между Я и Ты как равными и полноправными субъектами. Монологическое сознание, считал Эбнер, сформировало представление о Другом не как реальном человеке, а как об «идеальном» Ты, соотнесенном с какой-либо идеей или ставшем самопроекцией Я. Эта установка отменяла самостоятельное и полноправное существова-

ние Ты и формировала взгляд на Другого как на объект, тогда как, по слову Эбнера, «вся проблемность жизни заключена в субъекте и в бытии субъекта, поэтому решение этих проблем также должно исходить от субъекта и решаться субъектом, возможности которого в этом смысле коренятся только в религии и нигде больше» [15, s. 334]. Задача диалога, как сформулировал ее Бахтин в «Проблемах творчества Достоевского», – также «утвердить чужое Я не как объект, а как другой субъект, – таков принцип мировоззрения Достоевского. Утвердить чужое «Я» – «Ты ЕСИ» – это и есть та задача, которую должны разрешить герои Достоевского...» [3, с. 16].

Оба философа исходили из религиозного понимания межсубъектных отношений, считая, что в пределе Бог является истинным Ты нашего Я, и диалог с Другим неизбежно опосредован диалогом с Богом и наоборот. В Боге они видят не отвлеченную идею, а личность. Христоцентризм – одно из центральных положений учения Эбнера и Бахтина. Бахтин писал: «Для Достоевского не существует идеи, мысли, положения, которые были бы ничьими – были бы “в себе”. И “истину в себе” он представлял в духе христианской идеологии, как воплощенную в Христе, то есть представлял ее как личность, вступившую во взаимоотношения с другими личностями» [3, с. 41].

Эбнер также персонализирует отношение к Богу. Он пишет, что Бог как дух существует реально, а не только «в виде мыслимой и воображаемой идеи божественного» [15, S. 96], он «существует как личность» [15, s. 103]. Отношение к Богу как личности, к субъекту, «второму» грамматическому лицу лежит, согласно Эбнеру, в основе всех видов межличностных взаимоотношений. Бога нельзя познать объективно, в третьем лице, ибо он не может быть объектом. «Другой», т. е. Ты также не может выступать в третьем лице, как объект, ибо это уничтожает личностную составляющую общения. Диалог, общение возможны только при условии субъект-субъектных отношений: «Через высказывание о ком-то в третьем лице реальность попадает в зависимость от того, что представляется, мыслится и высказывается» [15, s. 263]. Психологизм, по мнению Эбнера, антидиалогичен, так как имеет дело с объектом исследования, который подчиняется воле психолога и зависит от его высказываний. Бахтин буквально вторит Эбнеру, когда пишет, что

Достоевский видел в психологии «уничтожающее человека овеществление его души, сбрасывающее со счетов ее свободу, незавершенность...» [3, с. 71].

Прорыв к пониманию себя, к личностному существованию в мире помогает человеку совершить только религия, а не искусство и не наука. И культура, и философия, по Эбнеру – это только «мечта о духе» [15, s. 89]. Осознать себя – значит «пробудиться от всех снов, в том числе и от снов духа» [15, s. 171]. Эбнер был уверен в невозможности соединения культуры и религии: «Христианская» культура, естественно, является недоразумением... Культура придает жизни лишь форму духовности, но не наполняет ее духовным содержанием» [15, s. 328]. В отрицании значения культуры Эбнер пошел дальше Толстого, который в сочинении «Что такое искусство», отвергая искусство, имеющее целью наслаждение, все же допускал возможность «христианского искусства», «религиозного искусства» и на этой основе сближал жизнь и искусство.

Согласно Эбнеру, только религиозное слово, слово, соотношенное с жизнью и словом Христа дало человеку возможность понять себя. Эбнер проводит границу между «словом поэта» и «религиозным словом» [15, s. 119]: «Перед словом Бога умолкает слово поэта, которое красоту сделало языком, а язык – красотой» [15, s. 328]. Слово поэта обращено к «идеальному Ты», религиозное слово – к «реальному Ты» [15, s. 119]: «Говорящий поэтическим словом, обращенным к идеальному Ты, является идеальным Я. Говорящий же религиозным словом, например, словом апостола, представляет собой не Я человека, а самого Бога, который использует человека, чтобы говорить через него» [15, s. 119].

В отличие от Эбнера, который категорически настаивал на неспособности литературы и философии воплотить истинно религиозные отношения, Бахтин сумел осуществить этот синтез, сделав образцом таковых отношения между автором и героем. Возможность подобного угла зрения обеспечивала специфика русской литературы, которая искала «человека там, где его до сих пор не искали» [4, с. 76], т. е. в литературном герое. Бахтин не противопоставляет слово литературы слову религии, он различает только монологическое и диалогическое слово, которые могут существовать как в жизни, так и в лите-

ратуре. Онтологизировав отношение автора к герою, он сделал «идеальное» Ты – Ты литературного героя – «реальным» Ты.

Бахтин вычленил в творчестве Достоевского художественные структуры подлинно диалогических, субъект-субъектных отношений, которые позволили придать эстетическому субъекту – герою, понимаемому в качестве Другого, онтологический статус. В «Проблемах поэтики Достоевского» (1979) (эта формулировка не вошла в книгу «Проблемы творчества Достоевского») он пишет: «Герой для автора не “он” и не “я”, а полноценное “ты”, то есть другое чужое полноправное “я”» [3, с. 73]. Автор относится к своему герою, употребляя термин Эбнера, не как к «идеальному» Ты, а как к «реальному» Ты, «герой как будто приравнивается к автору, оставаясь в то же время героем» [13, с. 99]. Герой, таким образом, получает онтологический статус.

Позиция автора, по Бахтину, преодолевающая представление о «конечности, исчерпанности мира и человека» [4, с. 468], исходит из понимания того, что «различие между я и другим относительно: все и каждый являются я, все и каждый являются другим» [4, с. 73]. В этих высказываниях Бахтина обращает на себя внимание акцент на нераздельности Я и Другого, автора и героя, характерный для категории диалогически понимаемой любви. Авторы комментария к пятому тому сочинений Бахтина справедливо утверждают, что «этическая бездна, разделяющая я и другого, преодолевается в полифоническом самосознании любовью, принесенной жертвой своего я и овнешняется в диалоге проникновенным словом героя-антагониста» [4, с. 470]. Эта мысль находит свое подтверждение и в книге Т. Н. Рымаря и В. П. Скобелева «Теория автора и проблема художественной деятельности» (1994): «Диалог – это встреча этического и эстетического отношений, это не только вненаходимость, но и проникновение извне вовнутрь другого сознания, сочувственное понимание, сопереживание ему, вчувствование. У Бахтина речь идет об извне переживаемой жизни другого человека и о творческой любви к сопережитому содержанию...» [11, с. 188].

И. А. Есаулов в книге «Категория соборности в русской литературе» (1995) справедливо полагает, что глубинной основой подобного отношения к герою был христоцентризм, который проявлялся «в авторской этической и эстетической

ориентации на высший нравственный идеал, которым является Иисус Христос» [9, с. 249]. Так как ни автор, ни герой не могли быть равными Христу, то по отношению к нему они стояли на одном онтологическом уровне. Целая галерея героев русской классики «представляет собой вариации соборной устремленности к герою Нового Завета» [9, с. 250], «проецирования ... реальной жизни героя произведения на идеальную жизнь героя Нового Завета» [9, с. 253]. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в романах Достоевского.

Бахтин пишет, что среди своих героев Достоевский ищет «высшую авторитетнейшую установку и ее он воспринимает не как свою истинную мысль, а как другого истинного человека и его слово. В образе идеального человека или в образе Христа представляется ему разрешение идеологических исканий. Этот образ или этот высший голос должен увенчать мир голосов, организовать и подчинить его» [3, с. 68]. Бахтинское восприятие человека как неповторимого голоса родственно, по нашему мнению, концепции человека как голоса, изложенной в философии Эбнера.

Ранее, чем Эбнер, ее разработал известный австрийский сатирик Карл Краус (1874–1936). Ученик Крауса, австрийский писатель и философ Элиас Канетти (1905–1995) писал в книге автобиографии: «Крауса преследовали голоса.. Это были обрывки фраз, слова, возгласы, которые он мог услышать везде: на улицах, площадях, в ресторанах... Он был не в состоянии пожертвовать самым малым, самым ничтожным, самым пустым голосом. Его величие заключалось в том, что он один, в буквальном смысле слова один, противостоял миру, каким он его знал, всему миру в целом, в лице всех его представителей, а их было бесчисленное множество, – он их слушал, выпрашивал, атаковал и бичевал» [10, с. 37]. Воспроизводимые Краусом голоса, как мы видим из цитаты, были для него не голосами других людей как полноправных субъектов, а чужими голосами, они существовали в сфере субъект-объектных отношений как предмет монологического осуждения. Неповторимый голос человека, его индивидуальность становятся у Крауса частью овеществленного, завершенного образа.

Эбнер, оппонент Крауса, представил другую концепцию человека как голоса. Ее краеугольным камнем, как отмечал ав-

стрийский исследователь Г. Штиг в монографии «Факел и Бреннер» (1976), он сделал представление о Христе как о слове, т. е. свое «экзистенциальное и диалогическое понимание Христа» [16, s. 217]. Если для Крауса Христос – символ, аллегория, метафора, то для Эбнера Христос – это слово, это «реальный диалог Бога со всеми людьми» [16, s. 228]. Слово, по мнению Эбнера, с одной стороны, конструирует отношения между личностями, Я и Ты, с другой – существует на фоне сознания Абсолютного Другого: «Кому бы и что бы не говорил человек, Бог слушает его. И он, согласно Евангелию, когда-то потребует отчета за каждое всуе сказанное слово. Когда человек говорит с человеком, наяву или в мыслях, Бог слушает» [15, s. 118]. Напомним, что Бог для Эбнера – это личность, «реальное Ты». Бахтин почти дословно употребляет эбнеровский термин, когда пишет, что «голос реального другого в исповедальных диалогах» Достоевского «дан во внесюжетной постановке» [3, с. 171], «он выполняет свои функции вне сюжета и вне сюжетной определенности, как чистый «человек в человеке», представитель «всех других» для «я» [3, с. 171].

Герой Достоевского, таким образом, воспринимается Бахтиным не как образ, т. е. нечто завершенное, а как слово, как неповторимый голос: «Герой Достоевского не образ, а полноценное слово, чистый голос; мы его не видим, мы его слышим...» [3, с. 50]; «Замысел автора о герое – замысел о слове. Поэтому и слово автора о герое – замысел о слове. Оно ориентировано на героя, как на слово, и поэтому диалогически обращено к нему. Автор говорит всю конструкцию своего романа не о герое, а с героем» [3, с. 54]. Сравним у Эбнера: «Когда человек имеет дело с Богом, то он говорит не о нем, а с ним» [15, s. 258].

В «Проблемах творчества Достоевского» Бахтин констатирует: «Сознание себя самого все время ощущает себя на фоне сознания о нем другого, “я для себя” – на фоне “я для другого”» [3, с. 105]. Ориентация на чужое сознание, чужой голос определяет отношения между героями в произведениях Достоевского: «Самосознание героя Достоевского диалогизировано, повернуто вовне, напряженно обращается к себе, к другому, к третьему. Вне этой живой обращенности к себе самому и к другим его нет и для самого себя. В этом смысле можно сказать, что человек у Достоевского есть субъект обращения. О нем нельзя

говорить, – можно лишь обращаться к нему» [3, с. 156]. Сравним у Эбнера: «Ты – это возможность словесного обращения, заключенная в другом человеке... В человеке объективно живет потребность в языке, а субъективно – потребность в том, чтобы с ним заговорили» [15, с. 87–88].

Бахтин и Эбнер ориентируются прежде всего на слово произнесенное, на речь. В центре их внимания – феномен говорящего человека. В предисловии к «Слову и духовным реальностям» Эбнер заявил, что рассматривает человека как «говорящее существо» [15, с. 81], сознание которого создало слово: «Слово создало самосознание и духовную жизнь человека во всех ее реалиях» [15, с. 106]. Проблема «самосознания идентична ничему другому, как факту, что человек – говорящее существо» [15, с. 106]. Через слово человек стремится выйти за границы своего сознания, найти путь к «духовному вне себя» [15, с. 80]. Н. Бонецкая справедливо отмечает, что Эбнер считал первоосновой существования языка заложенное в нем «нерасчлененное единство “я” и “ты”» [8, с. 301].

Все работы Бахтина, посвященные исследованию слова, также обращены к слову как единице речи. Так, предмет работы Бахтина «Слово в романе» – «говорящий человек и его слово в бытовой речи» как «предмет практически заинтересованной передачи» [1, с. 153] и «говорящий человек и его слово в романе» [1, с. 145] как предмет художественного изображения. Как и Эбнер, Бахтин связывает проблему самосознания с проблемой произнесенного слова. В «Проблемах творчества Достоевского» Бахтин пишет, что Достоевский изобразил самосознание героя как «последнее слово героя о себе самом и о своем мире» [3, с. 44]: «Своего рода моральные пытки, которым подвергает своих героев Достоевский, чтобы добиться от них слова самосознания, доходящего до своих последних пределов, позволяет растворить все вещное и объективное, все твердое и неизменное, все внешнее и нейтральное в изображении человека в чистом *medium`e* его самосознания и самовысказывания» [3, с. 50].

Основы теории высказывания, над которой много работал Бахтин, впервые были разработаны в труде Эбнера. Последний писал: «Нужно верить не в правду мысли, а в высказывание мысли, в «правду в слове» [15, с. 233]. Слово само по себе не содержит истины, нельзя верить в абстрактное значение

слова. Значение слова Эбнер впервые связал с личностью, произносящей его: «Верить можно только в конкретное духовное бытие. А им может быть только Я как непосредственное высказывание личности...» [15, с. 233]. Молчаливый, думающий человек не выходит за границы своего сознания. Слово получает духовный смысл, когда его произносят, т. е. когда оно получает статус высказывания, обращенного к другому лицу. Когда Я «высказывается и становится словом, оно выходит из своего одиночества и движется к Ты и становится реальным в самом глубоком смысле. В слове духовная жизнь человека становится в своей субъективности объективной, так сказать, объективной субъективностью...» [15, с. 196].

Бахтин вслед за Эбнером разводит предложение как лингвистическую единицу языка и высказывание как единицу обращения: «Предложениями не обмениваются, как не обмениваются словами и словосочетаниями, – обмениваются высказываниями, которые строятся с помощью единиц языка...» [6, с. 253]. Бахтин классифицировал типы высказываний в 50-е гг. в работе «Проблема речевых жанров», но основы этой концепции сложились уже в 20-е годы. Он писал: «...речь может существовать в действительности только в форме конкретных высказываний отдельных говорящих людей, субъектов речи. Речь всегда отлита в форму высказывания, принадлежащего определенному речевому субъекту, и вне этой формы существовать не может» [6, с. 249].

В своих сочинениях Бахтин представил классификацию диалогического слова в художественной прозе. В книге «Проблемы творчества Достоевского» Бахтин ввел понятие «обращающегося слова» [3, с. 137]: «Момент обращения присущ всякому слову у Достоевского, слову рассказа в такой же степени, как и слову героя. В мире Достоевского вообще нет ничего вещного, нет предмета, объекта – но есть только субъекты. Поэтому нет и слова-суждения, слова об объекте, заочного слова, – есть лишь слово-обращение, слово, диалогически соприкасающееся с другим словом, слово о слово, обращенное к слову» [3, с. 137]. Слово-обращение родственно «проникновенному слову», которое «способно активно и уверенно вмешиваться во внутренний диалог другого человека, помогая ему узнавать свой собственный голос» [3, с. 144], это «призыв

к одному из голосов другого как истинному» [3, с. 145]. Позже в разряд «обращающегося слова» войдет «внутренне убедительное слово», «ответное слово».

Эбнеровская концепция человека как слова, голоса была дополнена Бахтиным концепцией полифонии, которая, как представляется, имеет русские философские корни. Она, безусловно, относится не только к сфере эстетики, но имеет в своей основе философские представления о мире. Полифония – это и умение автора сочетать неслиянные голоса, и свойство реальности с точки зрения высшего сознания, в которой звучат, не сливаясь, разные голоса. Достоевский, согласно Бахтину, раскрыл божественную природу жизни, увидев картину фактической дробности и дисгармонии бытия как полифонию, как единство антиномичных существований, идей, голосов: «Все, что казалось простым, в его мире стало сложным и многосоставным. В каждом голосе он умел слышать два спорящих голоса, в каждом выражении – надлом и готовность тотчас же перейти в другое, противоположное выражение...; он воспринимал глубокую двусмысленность и многосмысленность каждого явления. Но все эти противоречия не становились диалектическими, не приводились в движение по временному пути, по становящемуся ряду, но развертывались в одной плоскости как рядом стоящие или противостоящие, как согласные, но не сливающиеся или как безысходно противоречивые, как вечная гармония неслиянных голосов или как их неумолчный и безысходный спор» [2, с. 36]. Первообразом мира у Достоевского Бахтин называет церковь «как общение неслиянных душ, где сойдутся и грешники и праведники; или, может быть, образ дантовского мира, где многопланность переносится в вечность, где есть нераскаянные и раскаявшиеся, осужденные и спасенные» [2, с. 31–32]. Бахтин постоянно подчеркивает, что «многопланность и противоречивость Достоевский находил и умел воспринять не в духе, а в объективном социальном мире» [2, с. 32].

Родственной философскому видению полифонии является религиозная категория соборности – идея единства во множестве, которая определяет природу личного православного сознания. Соборное сознание «входит в понимание человеческой личности в православном типе культуры» [9, с. 22]. И. А. Есаулов пишет: «Соборное сознание отвергает оп-

позицию человека-индивидуума и человека-массы» [9, с. 26]. Эбнер же постоянно оперирует этими понятиями. По его мнению, жизнь коллектива, массы не имеют никакого отношения к христианству. Эбнер, к примеру, признает существование «христианского индивидуализма» [15, с. 314], который подразумевает выход за рамки Эго через отношение к Ты. Однако явление христианского индивидуализма, как его понимал Эбнер, лишено значения соборности, когда Я отдельной личности включает в свой личностный мир стремление к единству со всем христианским миром через ощущение совиновности, сопричастности всему, что происходит в мире.

Отношение к Ты и к Богу понимается австрийским философом как путь к личному, духовному усовершенствованию. Следствием этого является отрицание значимости «естественного человека» и смысла жизни поколений, которая, считает Эбнер, покоится «на фундаменте сексуальной жизни» [15, с. 325]. Он пишет, что разрешение противоречий между «этическими основами жизни в их божественности и человеческим бытием заключается не в жизни поколений, а в индивидуальном бытии: через веру в Христа» [15, с. 313]. Эбнер, таким образом, решает проблему духовной жизни только в рамках христианской вертикали.

Одной из традиций русской религиозной философии является совмещение вертикали нравственного совершенствования с горизонталью духовного совершенствования человечества в процессе истории. Этот постулат, к примеру, лежит в основе философии Всеединства, ярким представителем которой был В. Соловьев. Всю историю Соловьев рассматривает как цепь последовательных этапов на пути к Богочеловечеству и всеединству – символу воплощения в мире божественной идеи. Идею исторического прогресса философ связывает с идеей внутреннего совершенствования человека. Он пишет, что способность человеческого сознания «воспринимать божественное начало в себе самом», «освобождение человеческого самосознания и постепенное одухотворение человека через внутреннее усвоение и развитие божественного начала образует собственно исторический процесс человечества» [12, с. 210]. Таким образом, Соловьев включает вертикаль нравственного самосовершенствования в горизонталь движения времени,

истории, движения к Богочеловечеству, история воспринимается им как воплощение божественного замысла об акте свободного слияния человеческой воли с волей Божьей.

Как и Соловьев, Бахтин включает вертикаль христианских ценностей в поступь истории. В жизни поколений Бахтин видит реализацию не идеалистической цели, как Эбнер, а религиозной идеи свободного сотворчества человеческой и божественной воли. Так, например, Бахтин акцентирует в книге «Творчество Франсуа Рабле» движение во времени, для него важна мысль о «прогессе во времени, о движении вперед во времени», о «движении вперед, вдаль, по горизонтали мира» [5, с. 436]. Он пишет: «...вертикаль подъема души, покинувшей тело, совершенно отпадает, – остается телесная земная горизонталь перехода из одного обиталища в другое, от старого тела к молодому телу, от одного поколения к другому поколению, из настоящего в будущее... Старость отца расцветает в новой юности сына не на той же, а на другой, – на новой и высшей ступени исторического культурного развития человечества. Жизнь, возрождаясь, не повторяет себя, а совершенствуется» [5, с. 441–442].

В отличие от Эбнера, диалог у Бахтина, включая полифоническую составляющую диалогического слова, развивается не только в рамках отдельной, конечной человеческой жизни, но протекает и в координатах большого времени, захватывающего все историческое пространство, жизни всех живших до нас людей и поколений. Диалог по Бахтину, бесконечен, как бесконечно движение истории и времени.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что концепции диалогического слова Эбнера и Бахтина, утверждающие принципы диалогического экзистенциализма, привели к новому восприятию духовных основ жизни как таковой и личности, понимаемой философами как двуединство Я и Другого. Совершившаяся в них переориентация со сверхличных, идеалистических, на межличностные ценности, обусловила переход от анализа языка как носителя абстрактных понятий к анализу речи, выдвигению в центр исследования слова произнесенного, слова-обращения.

В статье показаны две модели функционирования слова в диалоге: Эбнер делал акцент на реализации диалогического слова как слова религиозного в системе реальных межличностных отношений, отвергая саму мысль о соединении культуры и религии; Бахтин настаивал на возможности воплощения истинно диалогического, религиозного по своей природе слова в литературном произведении, признавая тем самым неоднократно высказанную в отечественной философии идею о русской классической литературе как носителя функций религиозного слова.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 502 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 318 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. – М.: Русское слово, 2000. – 798 с.
4. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. – М.: Русское слово, 1996. – 731 с.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1965. – 502 с.
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 431 с.
7. Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. – М.: Прогресс, 1996. – 341 с.
8. Бонецкая Н. К. Бахтин как философ. – СПб.: Алетейя, 2022. – 552 с.
9. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995. – 288 с.
10. Канетти Э. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. – М.: Прогресс, 1990. – 473 с.
11. Рымарь Н. Т., Скобелев В. П. Теория автора и проблема художественной деятельности. – Воронеж: ЛОГОС-ТРАСТ, 1994. – 262 с.
12. Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве. – СПб.: Азбука, 2000. – 381 с.
13. Тамарченко Н. Д. «Эстетика словесного творчества» М. Бахтина и русская религиозная философия. – М.: РГГУ, 2001. – 199 с.
14. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1984. – 398 p.
15. Ebner F. Das Wort und die Geistigen Realitäten. Pneumatologische Fragmente. / Ebner F. Schriften. In 3 Bdn. Bd. 1. München: Kösel-Verlag, 1963. – 442 S.
16. Stieg G. Der Brenner und die Fackel. Salzburg: Otto Müller Verlag, 1976. – 382 S.

References

1. Bakhtin, M. M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 502 p. (In Russian).
2. Bakhtin, M. M. (1979) *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 318 p. (In Russian).
3. Bakhtin, M. M. (2000) *Problemy tvorchestva Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's creativity] / Bakhtin M. M. *Sobraniye sochineniy: v 7 tomakh. T. 2.* Moscow: Russkoye slovo. 798 p. (In Russian).
4. Bakhtin, M. M. (2000) *Sobraniye sochineniy: v 7 tomakh. T. 5.* Moscow: Russkoye slovo. 731 p. (In Russian).

5. Bakhtin, M. M. (1965) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 502 p. (In Russian).
6. Bakhtin, M. M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo. 431 s. (In Russian).
7. *Besedy V. D. Duvakina s M. M. Bakhtinym* (1996) [Conversations between V. D. Duvakin and M. M. Bakhtin]. Moscow: Progress. 341 p. (In Russian).
8. Bonetskaya, N. K. (2022). *Bakhtin kak filosof* [Bakhtin as a philosopher]. Sankt-Peterburg: Aleteyya. 552 p. (In Russian).
9. Yesaulov, I. A. (1995) *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [The category of conciliarity in Russian literature]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta. 288 p. (In Russian).
10. Kanetti, E. (1990) *Chelovek nashego stoletiya. Khudozhestvennaya publitsistika* [Man of our century. Artistic journalism]. Moscow: Progress. 473 p. (In Russian).
11. Rymar', N. T., Skobelev, V. P. (1994) *Teoriya avtora i problema khudozhestvennoy deyatel'nosti* [The theory of the author and the problem of artistic activity]. Voronezh: LOGOS-TRAST. 262 p. (In Russian).
12. Solov'yev, V. (2000) *Chteniya o Bogochelovechestve* [Readings about God-manhood]. Sankt-Peterburg: Azbuka. 381 p. (In Russian).
13. Tamarchenko, N.D. (2001) «*Estetika slovesnogo tvorchestva*» *M. Bakhtina i russkaya religioznaya filosofiya* ["Aesthetics of verbal creativity" by M. Bakhtin and Russian religious philosophy]. Moscow: RGGU. 199 p. (In Russian).
14. Clark, K., Holquist, M. (1984) *Mikhail Bakhtin*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 398 p.
15. Ebner, F. (1963) *Das Wort und die Geistigen Realitäten. Pneumatologische Fragmente / Ebner F. Schriften*. In 3 Bdn. Bd. 1. München: Kösel-Verlag. 442 S.
16. Stieg, G. (1976) *Der Brenner und die Fackel*. Salzburg: Otto Müller Verlag. 382 S.

Об авторе

Федяева Татьяна Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0001-8644-1218, e-mail: fedjaew58@mail.ru

About the author

Tatiana A. Fedyaeva, Dr Sci. (Philology), Associate Professor, St. Petersburg State Agrarian University, Sankt-Peterburg, Russian Federation; ORCID ID: 0000-0001-8644-1218, e-mail: fedjaew58@mail.ru

Поступила в редакцию: 25.11.2024
Принята к публикации: 15.01.2025
Опубликована: 11.03.2025

Received: 25 November 2024
Accepted: 15 January 2025
Published: 11 March 2025